

СНЫ И ВОСПОМИНАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н.Толстого

КАКУБАРИ Сильвия

В произведениях Л.Н.Толстого разные герои пытаются осмыслить жизнь, но все они получают ответ на жизненные вопросы неожиданным образом. Вспомним последнюю часть «Анны Карениной», где изображена духовная сторона жизни Левина. Когда Левин размышляет о жизни, он не может прийти к определенному выводу, который дает ответ на мучающий его вопрос. А когда он не мыслит, а просто живет и работает, кажется, что этот вопрос разрешен: «Когда Левин думал о том, что он такое и для чего он живет, он не находил ответа и приходил в отчаянье; но когда он переставал спрашивать себя об этом, он как будто знал, и что он такое и для чего он живет, потому что твердо и определенно действовал и жил; даже в это последнее время он гораздо тверже и определеннее жил, чем прежде»¹.

В глазах Левина такие женщины, как Кити и Агафья Михайловна, ни о чем не размышляют, не мучаются метафизическими вопросами, но у них все ясно и разрешено.

В «Войне и мире» Андрей Болконский, ищущий сущность жизни в политической сфере, нашел настоящую жизнь в Наташе, которая просто живет своей жизнью и не в состоянии осмыслить какие-то жизненные проблемы. «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, — вдруг окончательно, беспременно решил князь Андрей. — Мало того, что я знаю все то, что есть во мне, надо, чтоб и все знали это: и Пьер и эта девочка, которая хотела улететь в небо, надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они так, как эта девочка, независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!» (10; 157).

Даже когда Наташа страдает из-за несостоявшегося похищения ее Анатодем, у нее есть сила дать счастье Пьеру. Когда Пьер ехал от Наташи, мир представлялся ему по-другому, чем раньше. Кроме того, комета, предзнаменующая трагедию 1812 года,

---

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юб. Изд.). М., 1928-1958. Т.19.С.371. (В дальнейшем все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страниц).

ему показалась обещанием счастья. «Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив, Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду <...>. Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе» (10; 372).

Разрешить духовные проблемы помогает какое-то бессознательное и интуитивное начало. В этом отношении можно сказать, что Толстой придавал не менее большое значение бессознательному и интуиции, чем разуму и рассудку человека. С этой точки зрения сны и сновидения, появляющиеся в произведениях Толстого, имеют большую значимость. Говоря о бессознательном, мы не должны забыть и о воспоминании. Согласно Толстому «воспоминание — это и есть способность сознавать «ряд своих я, продолжающихся одно в другом, т.е. во времени». Цель этой статьи заключается в том, чтобы выяснить позицию Толстого по отношению к жизни и смерти в освещении снов, сновидений и воспоминаний в его произведениях.

1. Сны и воспоминания, появляющиеся в критический момент

В «Анне Карениной» сон Анны, в котором мужик работает над железом, на вид не имеет никакого отношения к сюжету, но, видимо, постепенно подталкивает героиню к смерти. Так как Вронскому тоже приснился тот же самый мужик, страшный сон не просто относится к личному подсознанию персонажей, но и, должно быть, носит какой-то символический смысл.

В «Записках сумасшедшего» героя охватывает такой страх, какой часто бывает в сновидениях. Хотя «Записки сумасшедшего» являются лишь конспектом задуманного произведения, они основаны на реальном событии в жизни Толстого, которое назвали «арзамасским ужасом». Это событие произошло летом 1869 года, когда сцены пребывания Пьера в плену и смерти князя Андрея из четвертого тома «Войны и мира» были уже созданы.

«Прервав работу по завершении романа, Толстой поехал покупать имение. По

дороге в повозке Лев Николаевич задремал и проснулся: «стало чего-то страшно». Он искал причину. Но причины для страха не было. Пришла мысль, что он тут, в чужом месте, умрет. «И мне стало жутко». На постоялом дворе в Арзамасе он прилег и задремал. И опять пробудился в тоске и тревоге. «Зачем я тут?» — его первая мысль и недоумение. «Куда я везу себя?» Куда убегая? «Я убегая от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я, вот он, я весь тут. Ни пензенское, ни какое имение ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе. Я хочу заснуть, забыться и не могу. Не могу уйти от себя»¹.

Тут сон заменяется необъяснимым страхом. Пробуждение сопровождают беспричинный страх, тоска и тревога. Ощущение того, что «я убегая от чего-то страшного и не могу убежать», типично для сна. Ему пришла мысль о смерти. Но совсем другая, чем та, которая завладела Толстым после смерти брата Николая Николаевича.

«Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы она мне предстояла, я не мог бы испытать того, что испытывал, тогда бы я боялся. А теперь я не боялся, я видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздиранье было ужасно... Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть»².

И.Б. Мардов основывает этот страх на «совершающейся смерти» при жизни. «К этому времени Толстой уже знал, что как таковой смерти нет и не должно быть по самой природе «всего», по вечности жизни истинной. Теперь же, в Арзамасе, он явно чувствовал «совершающуюся смерть» в себе. То, конечно, не был знакомый каждому страх смерти, во всяком случае, не страх того обрыва жизни, которого так боятся люди. Смерть в обычном понимании Толстому тогда не угрожала. Он страшился чего-то такого, что объяснить нельзя, — смерти при жизни. Мало того, он в себе чувствовал смерть при жизни, и это знание и чувство доставляло ему такое страдание, которое он запомнил навсегда»³.

Вышеупомянутое смешанное чувство описывается в «Воскресении». Когда Нехлюдов узнал, что двоих заключенных наказывали розгами, он испытал недоумение.

¹ Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Прогресс традиция, 2003. С.163

² Там же. С.163

³ Там же. С.163

«Нехлюдов вспомнил все, что он видел вчера, дожидаясь в сенях, и понял, что наказание происходило именно в то время, как он дожидался, и на него с особенной силой нашло то смешанное чувство любопытства, тоски, недоумения и нравственной, переходящей почти в физическую, тошноты, которое и прежде, но никогда с такой силой не охватывало его» (32; 180).

При таком описании наказания создается впечатление, что наказанные розгами люди приближаются к смерти. Однако ассоциация с физической смертью не могла бы охватить Нехлюдова с такой небывалой силой. Для него страшна не возможность физической смерти заключенных, а духовная смерть наказывающих сторон. Произведениям Толстого присуще противопоставление дворянства народу, несправедливой системы общества страдающим. Данный роман также не составляет исключения. У Нехлюдова эксплуатирующее народ дворянство соответствует наказывающим сторонам в тюрьме. Несмотря на то, что Нехлюдов сам не был причастен к этому делу, он почувствовал свою вину. Он признал в себе духовную смерть.

В «Воскресении» контраст душевных состояний ярко проявляется. У Нехлюдова воспоминания составляют резкий контраст с настоящей реальностью. Нехлюдов, ходивший к Масловой, получил записку от революционерки Веры Богодуховской. Она была учительница в деревне. Когда она обратилась к Нехлюдову за помощью, чтобы ходить на курсы, Нехлюдов принес ей деньги и даже благодарил, что она ему дала такую возможность.

«Нехлюдову приятно было теперь вспомнить все это, приятно было вспомнить, как он чуть не поссорился с офицером, который хотел сделать из этого дурную шутку, как другой товарищ поддержал его и как вследствие этого ближе сошелся с ним, как и вся охота было счастливая и веселая и как ему было хорошо, когда они возвращались ночью назад к станции железной дороги. <...> Нехлюдову вспомнилось все это и больше всего счастливое чувство сознания своего здоровья, силы и беззаботности. Легкие, напруживая полушубок, дышат морозным воздухом, на лицо сыплется с задетых дугой веток снег, телу тепло, лицу свежо, и на душе ни забот, ни упреков, ни страхов, ни желаний. Как было хорошо! А теперь? Боже мой, как все это было мучительно и трудно!...» (32; 169-170).

Уже в ранних произведениях описание воспоминаний служит созданию психологического контраста. По мнению Р.Ф.Гутафсона, «акт воспоминания перекрывает период утраты и связывает далекие мгновения любви с мгновением

воспоминания». Он в дальнейшем утверждает, что «композиция произведения позволяет преобразить повесть об утрате в историю восстановления потерянного рая».

А в позднем творчестве Толстого, особенно в «Воскресении», воспоминание несет более глубокую функцию. Воспоминание углубляет кризисное душевное состояние героя. Воспоминание о счастливом времени раскрывает психологию Нехлюдова. Сама Вера Ефремовна не имеет никакого отношения ни к Катюше Масловой, ни к душевному кризису героя, вызванному переменой Масловой и хлопотами для облегчения ее положения. Но несмотря на это воспоминание, вызванное революционеркой, воздействует на Нехлюдова. Прошлое даже сильнее влияет на его настроение, чем настоящее.

В воспоминании есть такая же воздействующая на мировоззрение сила, как и во сне. В «Детстве» сон отражает душевный хаос героя, который заменила гармония, принесенная пробуждением¹. А само воспоминание Нехлюдова представляет счастливый мир гармонии. Но это воспоминание, наполненное счастьем и гармонией, разрушает настоящий мир Нехлюдова. Если гармония в молодости основывается на чистоте души и искренней доброте, то гармония Нехлюдова перед встречей с Катюшей в суде основывается на инерции жизни. В каком-то смысле можно сказать, что подлинная гармония в прошлом разрушает ложную гармонию в настоящем. Чистота в воспоминании раскрывает искаженный мир, покрытый иллюзорной гармонией. Смешанное чувство Нехлюдова, вероятно, связано с представлением о смерти при жизни. Чистое ясное воспоминание открывает суть жизни настоящего Нехлюдова, то есть смерть при жизни.

Когда человек пробуждается от сна или вспоминает прошлое и бессознательно сопоставляет прошлое и его настоящее положение, он находит в себе смерть.

Тогда в этом отношении какой смысл имеет сон Пьера в «Войне и мире»? После смерти Каратаева Пьер видит сон, в котором «события действительности соединились со сновидениями».

«Жизнь есть все. Жизнь есть Бог. Все перемещается и движется, и это движение есть бог. И пока есть жизнь, есть наслаждение самосознания Божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднее и блаженнее всего любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий» (12; 158). Пьеру представился живой, колеблющийся глобус,

---

¹ В сонном состоянии учитель маленького героя представился мучающим его жестоким человеком. Но когда ребенок возвращается из сна в реальный мир, его отношение к учителю меняется и с любовью думает о Карле Ивановиче.

поверхность которого состояла из капель, плотно сжатых между собой. «И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею.

Вот жизнь, — сказал старичок учитель.

<...>

В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать Его. И растет, сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он Каратаев, вот разлился и исчез» (12; 158).

После пробуждения от этого сна у Пьера возникли противоположные воспоминания. То он вспоминал о взгляде Каратаева, о расстреле его французами, то вспоминал о вечере, проведенном им с красавицей полькой, летом, на балконе своего киевского дома. Воспоминание о смерти человека и веселое воспоминание смешались в одно. В противовес Нехлюдову Пьер осознает жизнь при смерти. В отличие от Нехлюдова до встречи с Масловой в суде душа Пьера постоянно была в дисгармонии. У него даже не было ложной поверхностной гармонии. Безухов всегда стремился к осмыслению сущности жизни. Он пытался узнать смысл и цель бытия.

Так как во сне отражается новое мировоззрение Пьера после встречи с Каратаевым, рассмотрение этой фигуры поможет нам открыть хоть частично суть этого символического сна. Г. Лесскис связывает образ Каратаева с каплей следующим образом: «Итак, Платон Каратаев — образ, символизирующий «человека вообще», всякого человека как единичное проявление общего начала, и именно потому, в силу своей всеобщей значимости, он лишен индивидуальных черт. Создавая эту фигуру, Толстой сознательно нарушил основной закон поэтической образности — он решил создать типический характер, лишенный каких бы то ни было индивидуальных черт, — «каплю», похожую на бесчисленное множество других капель»¹. Интересно, что сама внешность Каратаева напоминает форму капли. Не только его внешность, но и его выражение и атмосфера, которую он создает, определяются словом «круглое»: «Пьеру чувствовалось что-то приятное, успокоительное и круглое в этих спорных движениях, в этом <...> хозяйстве, в запахе даже этого человека» (12: 45); «круглыми движениями»

¹ Лесскис Г. Лев Толстой (1852-1869). М.: ОГИ, 2000. С.411

(там же); «круглые морщинки» (12: 49); «говорил Платон, кругло улыбаясь» (12: 95); «Каратаев смотрел на Пьера своими добрыми круглыми глазами» (12: 157); «Когда на другой день, на рассвете, Пьер увидал своего соседа, первое впечатление чего-то круглого подтвердилось вполне: вся фигура Платона в его подпоясанной веревкою французской шинели, в фуражке и лаптях, была круглая. Голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглые; приятная улыбка и большие карие, нежные глаза были круглые» (12: 48). Эта сплошная круглость Каратаева в какой-то степени ассоциируется с каплей, которая соединяется с другими каплями, т.е. жизнью других людей. Лесскис отмечает, что «округлость» Каратаева воплощает сферу, которая, по средневековому представлению, является геометрическим соответствием идеи Бога¹. Но вместе с тем понятие круга напоминает метемпсихоз в буддизме. В любом случае в «округлости» проявляется сущность человека, которая связана с проблемой жизни и смерти.

Радостное отношение Каратаева к смерти передается Пьеру. Каратаев не только не боится смерти, он смотрит на смерть даже радостно, как на естественный переход в какое-то другое состояние. Каратаев рассказал Пьеру о невинно пострадавшем купце, не дожившем до своего оправдания: «А его уж Бог простил — помер», — заключал свой рассказ Каратаев, «улыбаясь», и «восторженная радость, которая сияла в лице Каратаева при этом рассказе», оказывала на душу Пьера необыкновенно сильное и радостное впечатление» (12: 156). В сновидении Пьера жизнь и смерть представляются естественным процессом, не имеющим никакой границы. Жизнь и смерть составляют естественное течение. В этом отношении взгляд Толстого на жизнь и смерть близко связан с его взглядом на человека — люди как реки.

За день до смерти любимой дочери Маши Л. Толстой пишет Черткову: «Жалко и неприятно эти тщетные усилия лечением продлить жизнь. А смерть все больше и больше, и в последнее время так стала мне близка, не страшна, естественна, нужна, так не противоположна жизни, а связана с ней, как продолжение ее, что бороться с ней свойственно только животному инстинкту, а не разуму» (89;50).

На 75-м году жизни Толстой приходит к выводу, что человек живет своего рода «двойной жизнью», как два разных существа.

Жизнь наша «не кончается или, скорее, не ограничивается мирской, телесной жизнью от рождения до смерти. Так что мы живем здесь и своею отдельной жизнью и

¹ Там же. С. 411-412

жизнью другого более обширного существа, включающего наши отдельные существования так же, как тело включает в себя составляющие его отдельные клетки. И потому наша деятельность на благо Всего не пропадает деятельность отдельных клеток для всего организма. Смерть поэтому, может быть, есть только перенесение сознания из отдельной личности в более обширное существо, включающее в себя отдельные личности. И это вероятно потому, что вся жизнь человеческая есть все большее и большее расширение сознания» (56; 13).

Мысль, изложенная здесь, полностью совпадает с описанием капель во сне Пьера. Когда каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать Бога, и сливается с другими каплями, личность, выраженная в виде капли, живет жизнью другого более обширного существа. В этом глобусе, поверхность которого состояла из капель, безграничность жизни и смерти проявляется пространственно. Поскольку эти капли отражают в себе одно и то же существо, гибель одной капли не может привести к смерти целого общества. Так как уничтожившиеся капли уходят в глубину и опять всплывают, смерть одной личности даже обогащает общество. Капля приближается к Богу тем уходом в глубину, так что когда она всплывает, то вносит в мир более глубокую суть жизни. Волнение и умиление при рождении ребенка можно объяснить тем открытием новой сущности в жизни. Неверующий Константин Левин так старательно молился, как он молился в детстве, перед рождением ребенка.

Любопытно, что Наташа, родившая детей в эпилоге, характеризуется округленностью. Положительные персонажи, которые помогают интеллектуальным героям обрести смысл жизни, обладают чертой круглости. Символично, что сама капля имеет кругловатую форму. Возможно, что черта округленности в человеке дает возможность сливаться с другими людьми и при смерти приближаться к Богу. Поэтому у округленности есть возможность преодолеть любую жизненную границу.

«Пьер узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья, что счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка; но теперь, в эти последние недели похода, он узнал еще новую, утешительную истину — он узнал, что на свете нет ничего страшного. Он узнал, что как нет на свете положения, в котором бы человек был счастлив и вполне свободен, так и нет положения, в котором бы он был вполне несчастлив и несвободен. Он узнал, что есть граница страданий и граница свободы и что эта граница очень близка <...>» (12: 152). «Здесь, теперь только, в

первый раз Пьер вполне оценил наслаждение еды, когда хотелось есть, питья, когда хотелось пить, сна, когда хотелось спать, тепла, когда было холодно, разговора с человеком, когда хотелось говорить и послушать человеческий голос <...> Пьер почувствовал новое, неиспытанное чувство радости и крепости жизни» (12: 97-98).

У такого персонажа, как Каратаев, кажется, нет границы между страданиями и свободой. У него нет никакого излишка. Он доволен тем, что есть. Округленность Каратаева, видимо, исходит из удовлетворенного и умиротворенного состояния души. У Наташи также граница страданий и граница свободы были крайне близки. Только через страдания из-за несостоявшегося похищения Наташи Анатоном и смерть Андрея Болконского у нее появилась возможность выйти замуж за Пьера и тем самым обрести округленность.

Таким образом критический момент всегда носит в себе потенциальную гармонию. В «Записках сумасшедшего» и «Воскресении» вначале герои находились в состояниях ложной гармонии. Но такие состояния были разрушены или сном, или воспоминаниями, вызванными Катюшей и революционеркой. Разрушение ложной гармонии приближает героев к границе страданий, тем самым дает им возможность достигнуть границы или обрести настоящую гармонию. В круге проявляются не только пространственное понятие жизни и смерти, но и временное понятие таковых. Переход уничтожившихся капель в глубину глобуса и их всплывание на поверхность ассоциируется с вечностью жизни. В вечной жизни человек постоянно переходит то с границы страданий на границу свободы, то с границы свободы на границы страданий. В этом бесконечном круговом движении заключается суть гармонии в жизни. В эпилоге «Войны и мира» семья Пьера будто достигла окончательной гармонии. Но несмотря на это автор намекает на новую деятельность Пьера, которая может причинить новый конфликт. На последней странице «Анны Карениной» также не отрицается потенциальное противоречие в жизни. Но для Левина жизнь, полная противоречий, «не только не бессмысленна, какою была прежде, но имеет несомненный смысл добра», который он властен вложить в нее.

2. Умиротворяющий сон при смерти

Андрей Болконский в «Войне и мире» и Иван Ильич в «Смерти Ивана Ильича» испытывают отчужденность в отношении к окружающим людям. Но в этой чуждости есть две ступени. На первой ступени эти герои питают даже ненависть к ухаживающим

за ним людям, оттого что последние полны жизни, тогда как первые физически расположены ближе к смерти. На второй ступени положения Андрея и Ивана Ильича меняются психологически. Они приближаются к смерти в душевном плане. В этой стадии они освобождаются от таких земных оков, как зависть в отношении к здоровым людям. Перемена с первой стадии на вторую стадию душевного состояния происходит или во сне, или в забвении.

Рассмотрим, как происходят душевные перемены у Ивана Ильича. В мучительном забытьи «ему казалось, что его с болью суют куда-то в узкий и глубокий черный мешок, и все дальше просовывают, и не могут просунуть. И это ужасное для него дело совершается со страданием. И он и боится, и хочет провалиться туда, и борется, и помогает. И вот вдруг он оборвался и упал, и очнулся». Как только слуга Герасим вышел в соседнюю комнату, Иван Ильич заплакал о беспомощности своей, о своем ужасном одиночестве, о жестокости людей, о жестокости Бога, об отсутствии Бога. Перед самой смертью героя посещает такое же забытье. В продолжение трех дней Иван Ильич бился в том же черном мешке, в который просовывала его невидимая непреодолимая сила, но в который он никак не мог всовываться. Только за час до его смерти он туда провалился: «Вдруг какая-то сила толкнула его в грудь, в бок, еще сильнее сдавила ему дыхание, он провалился в дыру, и там, в конце дыры, засветилось что-то. С ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь вперед, а едешь назад, и вдруг узнаешь настоящее направление. <...> В это самое время Иван Ильич провалился, увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить» (26; 112). Когда он перешел границу между жизнью и смертью, перед ним появился свет. Сошлемся на следующие строки, в которых Толстой ясно излагает свой взгляд на переход из жизни в смерть. «Мне очень грустно, серьезно, но хорошо. Как будто чувствую приближающееся изменение формы жизни, называемое смертью. Не изменение формы, а тот переход, при котором ближе, яснее чувствуешь свое единство с Богом» (52.108-110).

Свет, который появляется при смерти Ивана Ильича, можно объяснить этим единством с Богом. Интересно, что когда он провалился в черную дыру, он потерял пространственное чувство. Описание ощущения в вагоне железной дороги напоминает состояние Анны, едущей из Москвы в Петербург. Так как железная дорога глубоко связана со смертью Анны, потеря пространственного чувства именно в поезде имеет символический смысл. Во сне Пьера погибшая капля уходит в глубину и приближается к Богу. Пока умирающий не определяет направление к Богу, он, хоть на мгновение,

колеблется и теряется в пространстве. При смерти двигавшееся прямолинейно время падает в вечность. Тут время теряет определенное направление. В это мгновение пространство и время пересекаются в колеблющемся неопределенном состоянии. В этом смысле Анна в свою очередь находится на близком расстоянии от смерти. «На нее беспрестанно находили минуты сомнения, вперед ли едет вагон, или назад, или вовсе стоит, Аннушка ли подле нее или чужая? «Что там на ручке, шуба ли это или зверь? И что сама я тут? Я сама или другая?» (18; 107). Ей страшно было отдаваться этому забвению. Но что-то втягивало в него, и она по произволу могла отдаваться ему и воздерживаться». Она не только потеряла чувство пространства, но и лишилась способности определить личность. Страх отдаваться забвению напоминает страх смерти у Ивана Ильича. А чтение английского романа в поезде устраняет у Анны как чувство пространства, чувство личности, так и чувство времени. «Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. Читала ли она, как героиня романа ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного; читала ли она о том, как член парламента говорил речь, ей хотелось говорить эту речь; читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стаей и дразнила невестку и удивляла всех своею смелостью, ей хотелось это делать самой. <...> Герой романа уже начинал достигать своего английского счастья, баронетства и имения, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение...» (18; 106-107). Перемещаясь мыслью к героям романа, Анна переходит границу личности, пространства и времени. Ее состояние создавалось дремотой, вызванной колебанием поезда, и, естественно, остатком упоения любви с Вронским. Поскольку упоенное состояние вызвано бессознательным воспоминанием, стоит упомянуть о следующих строчках в дневниковых записях. «Способность воспоминания, память — это то таинственное для нас явление, объясняющее все остальное. <...> Основа и разума и всей духовной жизни есть способность воспоминания» (55, 210). «Все чаще и чаще думаю о памяти, о воспоминании, и все важнее и важнее, основнее и основнее представляется мне это свойство» (55; 136).

У Анны потеря чувств времени и пространства происходит в связи с воспоминанием и забвением, которое очень близко к состоянию сна. В воспоминании и сне есть сила разрушать гармоничное душевное состояние и вызывать критическое сознание, присущее человеку перед смертью. С другой стороны можно сказать, что такое состояние могло создаться именно на железной дороге. Человек перед смертью теряет чувства пространства и времени, чтобы затем приближаться к Богу. А железная

дорога, на которой Анна едет, будто сокращает расстояние между Анной и Богом, лишая героиню чувства времени и пространства. При появлении Анны в романе сторож задавлен на железнодорожной станции, что служит предзнаменованием ее смерти. Смерть Анны глубоко связана с железной дорогой, что на самом деле позволяет приблизить героиню к Богу.

Во всем романе «Анна Каренина» преобладает отрицательное отношение автора к цивилизации. Сравнительно отрицательный персонаж Каренин, втягиваясь в колебание поезда, испытывает спокойствие, между тем как Константина Левина чуть не выгнали из поезда. Облонский, близко связанный с цивилизацией, живет в ограниченном мире¹. В этом смысле возможность приближения Анны к Богу заранее ограничена. Анна лишена возможности умиротворенного состояния перед смертью.

Князь Андрей, лежащий в тяжелом состоянии, видит сон о смерти: «Засыпая, он думал все о том же, о чем думал все время, — о жизни и смерти. И больше о смерти. Он чувствовал себя ближе к ней. «Любовь? Что такое любовь?» думал он. «Любовь мешает смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Бог, и умереть — значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику» (12;63). Показательно, что после «сознания отчужденности» Андрея посещает мысль о любви. «Князь Андрей не только знал, что он умрет, но он чувствовал, что он умирает, что он уже умер наполовину. Он испытывал сознание отчужденности от всего земного, и радостной и странной легкости бытия. Он, не торопясь и не тревожась, ожидал того, что предстояло ему. То грозное, вечное, неведомое и далекое, присутствие которого он не переставал ощущать в продолжении всей своей жизни, теперь для него было близкое и — по той странности и легкости бытия, которую он испытывал, — почти понятное и ощущаемое».

По мере приближения к смерти Андрей проходит два душевных этапа. На первом этапе он испытывает разрыв с миром живых людей, отчужденность от

---

¹ Люди, у которых, видимо, нет общего, могут иметь общее через Облонского. С одной стороны, Облонский несет на себе важную функцию и соединяет главных персонажей. Без него не состоялась бы встреча двух главных героев, то есть Константина Левина и Анны Карениной. Но с другой стороны, он не что иное, как «смазочное масло» для сюжетного развития. Эта роль как инструмент приближает Облонского к цивилизации, оторванной от природы. Как любой плод цивилизации, он увеличивает возможность человеческого контакта, упрощает средства коммуникации и расширяет сферу человеческих взаимоотношений. Но чем больше расширяется его сфера деятельности, тем более непреодолимым становится разрыв между Облонским и природным миром. Облонский, как цивилизация, даже действует на окружающий мир с разрушительной силой. Первая встреча Анны с Вронским в романе состоялась в присутствии Облонского, что привело к трагической развязке.

окружающих людей. А на следующем этапе он чувствует любовь, которая принадлежит к жизни и одновременно является Богом, то есть вечным источником. Любовь эта притягивает Андрея и к жизни, и к смерти. Поскольку он сам является частицей любви, приблизившись к источнику любви, он приобретает возможность понимать окружающих со стороны этого источника. В этом смысле смерть сближает Андрея с жизнью. Такая инверсия жизни и смерти происходит с пробуждением от сна.

Во сне князя Андрея тревожит вопрос о затворенной двери. Когда он идет к двери, чтобы запереть ее, вдруг его охватывает страх смерти. «За дверью стоит *оно*», то есть смерть. «Что-то не человеческое — смерть — ломится в дверь, и надо удержать ее. <...> Последние, сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. *Оно* вошло, и оно есть *смерть*. И князь Андрей умер. Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся. «Да, это была смерть. Я умер — я проснулся. Да, смерть — пробуждение!» — вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его» (12;64). Толстой определяет пробуждение от сна как пробуждение от жизни. После этого сна княжна Марья и Наташа «видели, как он глубже и глубже, медленно и спокойно, опускался от них куда-то туда, и обе знали, что это так должно быть и что это хорошо». Если смерть уподобляется пробуждению, то жизнь уподобляется сну. Содержание сна определяется бессознательной областью бодрствующего человека. Жизнь также в какой-то степени определяется смертью. Отношение к жизни меняется в зависимости от отношения к смерти. Жизнь постоянно прилегает к смерти.

Заключение

Толстой формулирует мысль о неподвижности Я по отношению к движению Мира: «Да, сначала кажется, что мир движется во времени, и я иду вместе с ним, но чем дальше живешь и чем больше духовной жизнью, тем яснее становится, что мир движется, а ты стоишь. Иногда ясно сознаешь, иногда опять впадаешь в заблуждение, что ты движешься со временем. Когда же понимаешь свою неподвижность — независимость от времени, понимаешь и то, что не только мир движется, а ты стоишь, но с миром вместе движется твое тело: ты седеешь, беззубеешь, слабееешь, болеешь, но

это все делается с твоим телом, с тем, что не ты. А ты все тот же — один и тот же всегда: 8-летний и 82-летний» (58;103).

«Если время идет, то должно быть то, что стоит. Стоит сознание моего “я”» (58; 9).

Во внешнем мире человек движется вместе с временем и пространством. Но в человеке накапливаются разные времена и пространства. На этом накоплении заложена основа человеческого сознания. Куски этих времен и пространств проявляются свободнее всего во сне и воспоминаниях. В этом смысле можно сказать, что глубина человеческого сознания состоит в этих областях. В «формулах жизни» (в 1902 и в 1903 годах) Толстой утверждал, что духовное начало, обитающее в человеке, неподвижно, а движутся его пределы отделенности. Можно предположить, что в этих пределах есть два аспекта: пространственный и временной. Движение пространственного предела и движение временного предела соотносимы. По мере расширения сферы, ограниченной пространственным пределом, сфера времени также расширяется. Во сне Пьера капля увеличивается размером, сливается с другими каплями, лопается и уходит в глубину — источник жизни. Вследствие увеличения в пространстве капля выходит из пределов реального ограниченного времени. Капля, ушедшая в глубину глобуса, снова появляется на поверхность. Тут она достигает вечности.

В реальной жизни сфера пространства и времени, в которой человек действует, весьма ограничена. Только во сне и воспоминаниях, где нет определенной границы во времени и пространстве, человек обретает возможность максимально расширяться в этих измерениях. Анне и Вронскому, кругозор которых ограничен поверхностным обществом и закрытой между собой любовью, приснился кошмар с мужиком. Эти герои, приобретя лишь во сне возможность расширяться в границах, видит жизненные противоречия. Мысль о человеке из других слоев общества, то есть о мужике, может тревожить их только во сне. Наоборот, Пьеру, который в реальности сталкивается с жизненными противоречиями и максимально расширяется для их разрешений, дан ответ во сне.

Толстой записывает в дневнике: «Как океан объемлет шар земной, так наша жизнь объята снами. Мало того — снами: объята бессознательной рефлексивной жизнью» (54; 83). В произведениях Толстого переплетаются разные противоположные духовные сферы: жизнь и смерть, реальность и сон, настоящее, прошлое и вечность. И в настоящее время его творчество не утратило своей ценности и продолжает

пробуждать человека от сна жизни.

レフ・トルストイの作品における夢と記憶

覚張シルビア

レフ・トルストイの作品において、登場人物による精神的探求は、知的・理性的領域よりも、むしろ無意識層にて解決をみることが多い。そうした視点から、無意識世界が大いに投影される夢と記憶に焦点を当てる。夢・記憶の分析を通して、トルストイの生死観の一端を明らかにすることが、本論文の目的である。

1869年の夏、領地を買いに出かけたトルストイは、馬車の中で眠りから覚めると同時に、「生きながらにしての死」という恐怖（アルザマスの恐怖）を体験する。『復活』の主人公ネフリュードフは、同様の精神状態を、記憶によって引き出された過去が現在を崩壊することによって、感じることになる。

他方、『戦争と平和』のピエール・ベズーホフにおいては、彼の人生の師ともいえるプラトン・カラターエフの死についての記憶と、楽しく快い思い出が同時に甦り、死に際して生を体験したといえることができる。ピエールは、絶えず人生の意義を模索し、不安定な状態にあったが、カラターエフの死後、水滴に覆われた地球儀の夢を見たことにより、精神的調和が得られた。アルザマスの恐怖に基づいて書かれた『狂人日記』の主人公やネフリュードフにおいては、夢や記憶によって、物質的安寧の上に成り立つ外的・表面的調和を崩されたが、それによって、真の調和に到達する可能性を与えられたともいえることができる。

ピエールの夢に現れる地球儀と水滴の関係の分析は、トルストイ後期作品の主人公イワン・イリイチやアンナ・カレーニナを、死との関係において理解することを容易にする。地球儀の中心、つまり神の方へと向かう水滴は、死にゆく人間になぞらえられる。死に際して、水滴は動揺し、空間上の位置を失うが、それと同時に生存中の直線的時間は永遠性のうちに取り込まれていく。意識を失ったイワン・イリイチは黒い袋の中でもがき、アンナはペテルブルグへと向かう列車の中で、ウロンスキーとの邂逅による印象のもとに、時間・空間的、また個人としての感覚を失うが、こうした感覚の喪失こそが、彼らを神の方へと近づけるのである。アンナはこの出会いによって社会的死へと向かうのであるが、それによって、外的調和を失った真の生と対峙させられる。かくして、夢や記憶という無意識層は、人間を死に近づけるとともに、本来の生へと回帰させる可能性さえ孕んでいるのである。